

18+

Константин Уткин

ТИГР ГРОЗОВОГО НЕБА

Константин Уткин
Тигр грозового неба

«Издательские решения»

Уткин К. А.

Тигр грозового неба / К. А. Уткин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688512-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ни один нормальный человек не променяет спокойную жизнь на всякое безумие — битвы с местными шаманами на тиграх над Москвой, разборки со всякой нечистью, которой вполне вольготно живется в столице. И скромного охранника некая высшая сила ставит перед фактом. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-688512-7

© Уткин К. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Тигр грозового неба

Константин Александрович Уткин

© Константин Александрович Уткин, 2025

ISBN 978-5-0068-8512-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Он торчал в приемной второй час – в узеньких брючках с открытыми лодыжками, куцем пиджачке, застегнутом на одну пуговицу, с каким-то недоразумением вместо портфеля, в которое могло уместиться три листа бумаги, ни никак не бутерброд с термосом.

У него была ипотека в одном из человекоников, был не вылезающий из телефона сын, была весело изменяющая ему жена.

Впрочем, он предпочитал не догадываться об изменах – так было проще жить.

Работал этот бедолага в одной из газет желтушного цвета, которые еще существовали благодаря неистребимому интересу пенсионерок к звездной жизни и самым невероятным сплетням.

У него был мягкотелый начальник со странными пристрастиями – он любил дородных женщин в носках, наступающих ему не лицо. Тогда он всхрапывал, как молодой жеребец, бился в конвульсиях и получал долгожданную разрядку.

Правда, подчиненные об этом не знали – об этом не знал никто, кроме тех самых дородных женщин в носках и меня.

Собственно, когда я сказал ему, что вижу не щеке отпечаток ступни сорокового размера в... в носке с веселенькими василечками, он сначала побледнел, потом побагровел, потом собрался наказать болтунью.

Пришлось сообщить ему несколько фактов из его жизни, про которых не знал никто вообще, даже он сам предпочел бы забыть – после чего у меня в приемной появился тщедушный молодой человек в модных узеньких брючках, куцем пиджачке, ипотекой, женой-изменницей и тупеющим от телефона сыном.

Молодой человек приходил ровно в девять утра, садился рядом с секретаршей, которая обращала на него внимания не больше, чем на секретер, и терпеливо ждал аудиенции. Ему было сказано прямо и конкретно, что разговаривать с ним никто не будет, что никакой информации, кроме той, что в открытом доступе, он не получит, но если ему платят за нахождение в моей приемной – то ладно, пусть сидит. Главное чтобы никому не мешал и не лез с глупыми разговорами и бестолковыми вопросами. Вот за это – глупые разговоры и бестолковые вопросы – он будет незамедлительно изгнан.

Вообще, конечно, представитель офисного планктона у меня в приемной выглядел несколько странно – у меня не собирались очереди экзальтированных фанатов, не толпились жаждущие немедленного исцеления, так же не было замечено тех, кто не желает выздоравливать, но радостно готов платить за внимание к своей персоне, на радость различным аферистам от психологии.

В закутке, где помещались два стула и стол секретарши, просто негде было бы разместить клиентов популярного психолога – был бы я популярным и был бы я психологом.

Более того, ни в одной социальной сети не сверкала моя лысина, никто не видел фотографий, снятых с одной лишь целью – утереть носы неудачникам, ни на одной доске объявлений, ни на одном торгашеском сайте вроде «Умыто», которые безбожно драли деньги за каждый чих невозможно было найти объявления с рекламой моих услуг.

На двери не было названия фирмы. Когда меня стали спрашивать соседи, а чем ты занимаешься, а отвечал очень туманно, а потом прибил табличку Мосгипроснабсбытхолод. Такое замечательное название говорило само за себя, что люди за дверью собрались уважаемые, занятые, не склонные к бессмысленным беседам и лучше их не тревожить.

Сначала, давно, на заре моей розовощекой юности (вру) я снял офисное помещение в деловом центре, каком-то сверкающем всеми плоскостями фаллосе, торчащем над бедной Москвой, со скучающей деревенской охраной на первом этаже, висящими за окнами с пугающей регулярностью промышленными альпинистами – много стекла – много стекломоя, в общем, в пластиковом центре успеха. Скучном, безжизненном, пошлом символе больших денег и больших проблем. Из окна прежнего офиса, которое шло ровно от пола до потолка, было видно хаотичное нагромождение камней гигантского города, зеленая шуба деревьев на крутых склонах реки, сверкающий купол религиозного новодела, и ровная серая дымка смога.

Но это ладно. Стеклоздание было мертво – тысячи людей, его облюбовавших, занимались лишь ожесточенной гонкой заработков, больше их ничего не интересовало и интересоваться не могло.

Все человеческие черты были задавлены всеобщей бешеной жадной обогаченности, а мне это слегка (вру, не слегка, а очень сильно) мешало.

В итоге я нашел замечательное место – в 20 минутах неспешного хода от Кремля, на самой маковке одного из московских холмов, со входом со двора. Практически, это было отдельный дом, одноэтажное строение в торце другого дома. Чем была замечательная эта маковка – так это древними, но не дряхлыми домами. Каждый из них имел, что рассказать, и иногда, в глухие осенние вечера, когда пахло прелой листвою, когда кисея дождя колыбалась в фонарном свете, и даже рев никогда не спящего города оставался внизу – казалось, что эти приземистые, крепкие старики в окружении юных многоэтажек вызывают к жизни невероятный узор миллионов прошедших через них судеб.

Рядом, под длинным навесом, под который всего сто с лишним лет назад выходили двери комнаток с веселыми девицами, где в окошке, освещаемом лишь мутной свечой, круглосучно торговали водкой – сегодня под ним располагались такие же странные конторы, как и у меня, и они так же занимались какими-то непонятными делами, не терпящими огласки.

И, если не считать толп туристов, ежедневно топчущих тротуары, было тихо. Настолько тихо, что иногда мерещились какие-то незнакомые разудалые песни, извилистое визжание гармоник, журчанье балалаек и разрезающий махорочные облака оглушительный гвалт.

На мутном московском небе чернела двускатная крыша и узорные стальные опоры, светились тусклые электрические фонари и по загаженному бульжнику двигались тени. Они то шатались, как на палубе в качку, то шмыгали воровато, то дрались, то обшаривали упавшего и раздевали его донага.

Мерещилась бурная и жуткая ночная жизнь – естественно, чуткий человек в таком месте не выдержал бы и дня, а сверхчуткий – и часа.

Оставались только уверенные в непоколебимости земного предметного мира господа с железными мозгами и отличным желудком. Их совершенно не интересовало прошлое, каким бы загадочным и страшным оно не было. Они не испытывали ни малейшего желания копаться в ушедшем, предпочитая оставлять покойникам их тайны, но память места диктовало свои правила – многие из них предпочитали со временем продавать свои метры в сверхпрестижном районе, или хотя бы сдавать, как мне владелец кирпичной одноэтажной пристройки.

Он, это владелец, тоже был первостатейным пройдохой, ломил запредельную цену и очень огорчался, когда я не спорил. Крутил, юлил, прятал глаза и поднимал снова, находя все новые и новые преимущества. Нет соседей – раз. Место – два. Единственное такое помещение во всем городе – три. Воздух, изумительно чистый для Москвы – четыре. Тишина – пять.

В конце концов он дошел до того, что стал расхваливать яркие сны, которые не дают ему соскучиться ночью, что такие сны он не видит нигде и никогда.

Когда я и за это надбавил, он почесал голову, потом оживился и запросил еще больше за разрешенное печное отопление.

– Печь!! – кричал он – пятнадцать минут от Кремля и печь!! Печь со всеми бумажками!! Разрешенная печь!! А сны!! А воздух!!! И что ты после этого хочешь!!!

Я хотел арендовать его помещение по меньшей мере на год, обещая, что не буду в нем устраивать голые оргии, не буду вскрывать трупы, разделять или содержать скотину, устраивать наводнение, пожары и взрывы.

Он смотрел на меня подозрительно, он мне не верил, но деньги, деньги. Да и зачем? Зачем мне его домишко в самом древнем уголке? В конце концов пришлось назвать одно известное литературное имя и признаться, что я личный негр этого имени, но для работы мне нужно именно вот такой одноэтажный кирпичный домик в древнем углу со своей историей. Потому что следующая серия книг моего писателя будет именно про этот легендарный уголок и мне нужно дышать его воздухом, впитывать его легенды и преобразовывать их в шедевры для моего работодателя.

Хозяин смотрел на меня с досадой, недоверием и восторгом. Досадой – потому что моего писателя он знал, и думал, что тот настоящий писатель и пишет сам. После моих объяснений, что сам уже никто давно не пишет, потому что это невыгодно в первую очередь издателю, что все знаменитые сегодня писатели – за исключением Полякова – пользуются целыми штатами негров – он загрустил, потом посмотрел на меня с уважением и перестал взвинчивать цену. Только попросил разрешения заглядывать на огонек, почувствовать, так сказать, причастность к тайне творчества, на что получил однозначный и категорический отказ. Тайну ты все равно не увидишь, да и смотреть не на что – сидит согбенный бедолага с красными глазами, пялится в экран и ожесточенно лупит по клавиатуре, в девяти до шести с перерывом на обед и редкими перекурами. Все. Ничего таинственного – хотя да, слава куется именно так.

В общем, мы стукнули по рукам, у хозяина горели щеки и сверкали глаза от свалившейся на него в одночасье громадной суммы – первый месяц, последний месяц, залог и еще гонорар риэлтору. Не было никакого риэлтора, понятно, но гонорар был – пришлось удовлетворить этот неожиданный приступ жадности, а поскольку хозяин несмотря на все уважения стал лихорадочно соображать, за что бы еще слупить с меня денег, пришлось крайне серьезным тоном (я это умею) заявить, что обманул разок – и будя.

Правда, пришлось накинуть еще за небольшую перестройку – я соорудил что-то вроде приемной, в которую посадил хорошенькую девочку, чья задача была сидеть и отвечать редким гостям, что начальника нет и неизвестно когда будет. Или что я занят и непонятно, когда освобожусь. Она и сама не понимала, за что ей такое счастье – ходить на работу для того, чтобы готовиться к экзаменам, играть в компьютерные игрушки, кокетничать с подчиненным нашего клиента (до сих пор не пойму, почему я позволял ему сидеть рядом с ней и вздыхать, как скучающая собака) – да еще и получать за это деньги. Чем мы занимались, она понятия не имела и думала, что это тайная контора для отмывки рогов и копыт, или прачечная, или букмекерская контора для приема ставок на смертельные бои. В общем, что-то страшное и криминальное – но ее это никак не касалось, и ежемесячная сумма гасила и эти обоснованные опасения. Она сидела со мной не первый год, стала мне чем-то вроде родственницы, уважала меня на грани обожания, но так и не понимала, что я делаю и за что получаю деньги.

Это неудивительно – никто не понимал, откуда у меня деньги. Я не работал. Я тратил время на поездки в разные приятные места Москвы, наслаждался спортом, водил девиц в гостиницы, посещал кинозалы и выставки. У меня не было штата осведомителей, рекламы, агентов – более того, я всячески скрывал свою деятельность, в отличие от коллег-аферистов.

И при этом, в отличие от коллег, аферистом я не был.

Я просто торговал информацией, деря за нее баснословные деньги. Конечно, меня хотели убить – и те, кто информацию получал, и те, про кого она была. Охота за мной продолжалась из года в год, поэтому я менял адреса, имена, фамилии, даже пару раз внешность. У меня не было телефона, привязанного к паспорту, заказы я получал через теневой интернет, у меня не было сетевой истории – и вообще, я был убит пятнадцать лет назад. Убит для всего мира, и никто не знал, что я жив и здоров. Родители к тому времени благополучно и не очень отошли в иной мир, друзья растерялись, от семьи остались ошметки, не подлежащие восстановлению – тем более что сын, получив наследство, скорее радовался, чем горевал.

Схема моей работы была до крайности проста – заказчик хотел информации про, например, конкурента. Я получал громадный гонорар и говорил – он любит, когда толстая женщина в зеленых носках ставит ногу ему на лицо. Этого доказать невозможно, про это не знает никто – так же как про то, что в шестнадцать лет он имел половое сношение с кошкой, замотав ей лапы скотчем. Заказчик предоставлял информацию своему врагу, тот сначала падал в обморок, потом кричал, что это все вранье и требовал доказательств – а после рассказа о еще некоторых милых подробностях его бурной жизни становился тихим, послушным и выполнял все требования.

Потому что про это знать не мог никто, никогда. Это выходило за рамки всей его жизни, всего его понимания процессов и событий, и было страшно.

За отдельную увеличенную многократно плату и мог предоставить ленту происшествий, про которые мог знать только сам подопечный, ну или Господь Бог.

Я не был подопечным, не был, конечно, Богом, я обычная земная тля – но знал все до мельчайших деталей.

Эти знания позволяли мне жить безбедно – но не полноценно.

Я был мастером – но будь оно проклято, такое мастерство. Стоило мне лишь слегка сосредоточиться на человеке, не обязательно глядя ему в глаза или, к примеру, держа за руку, как в сознании начинала разворачиваться пестрая лента его жизни. Причем, повторяю, полностью, без какого-либо монтажа и стыда.

И что делать прикажете мне, от природы не сильно любопытному? Я старался не общаться с людьми, старался их не замечать, тем более – не концентрироваться на какой-то отдельной личности.

И если сомнительный дар был обрушен на меня непонятно за какие грехи и сделать с ним я ничего не мог, хотя, видит Бог, пытался, то возвести ментальную стену между собой и окружающим миром пришлось научиться самому.

Впрочем, для начала хорошо бы вспомнить, как все начиналось – в веселые года, когда на дымящихся развалинах великой страны пировали разномастные стервятники и падальщики.

Рушилось все, руководящие должности занимали странные люди, по властным коридорам гуляли наглые янки с советами, как бы повыгодней для них уничтожить своего врага, государство – утопию, которое первое в мире показало, что человек может жить спокойно, равноправно и надежно.

Заповедники в одночасье стали охотничьими угодьями, а охотхозяйства – тиром для всего местного и не только начальства. Зверье выбивалось до последней шерстинки, и никого это не смущало.

Впрочем, проклятое время иногда давало интересные плоды. Так, один армянский предприниматель, владелец нескольких кафе в дальневосточной глубинке, вдруг получил возможность стать директором заповедника. И, конечно, не смог отказаться. Видимо, от полного уничтожения заповедник спасло только его крайне отдаленное месторасположение – а на вертолете летать затратно, да и простых оленей с медведями можно было настрелять практически рядом с поселениями. Заповедник не охранял какой-либо конкретный вид, амурского тигра или лео-

парда, а лишь гряды бесконечных, угрюмых, поросших золотой лиственкой сопок, продуваемых всеми ветрами гольцов и бушующих под прижимами рек с бурой водой.

Осенью реки вскипали и выходили из берегов от стада крутых спин прущего на нерест лосося, обжирающиеся кожей и икрой медведи не обращали внимания на двуногих хищников, за несколько месяцев обеспечивающих себе годовое безбедное существование. Но природа изобильна – и даже варварское истребление людьми не смогло остановить вековой механизм миграции из рек в океан и обратно.

И вдруг выяснилось, что в добавление к заповеднику идет – причем идет принудительно – какая-то странная научная деятельность, о которой нужно отчитываться в самой Москве. Владелец кафе в глубинке об этом понятия не имел, и никакая диаспора, подставляющая плечи в трудных случаях, помочь не могла.

Но в советское время работа в заповеднике велась, и через старые кадры новый начальник сделал заманчивое предложение москвичам – приезжайте и гуляйте по заповеднику, сколько хотите. С меня транспорт, оплата и еда, с вас – не бить краснокнижных животных и предоставить хоть какие-нибудь отчеты за это время. Хоть старые с новыми датами, кто их там будет проверять.

Было бы предложение, а желающие найдутся – и меня пригласили, чтобы разбавить компанию молодоженов, в экстремальное свадебное путешествие по дальневосточной тайге, причем в такую глушь, где даже тигры не водятся. Лишь медведь и олень.

В Москве танки ломали асфальт, праздные гуляющие любовались обстрелом Белого дома, в телевизорах – которые продавались едва ли не на развес с машин – пели трусы, газеты бесплатных объявлений были забиты рекламой магов и публичных домов, и убежать на три месяца в глухомань представлялось единственной возможностью сохранить хотя бы часть рассудка. Конечно, я согласился.

Тем более что встретил соседа – он хорошо поднялся, купив машину водки и лихо обменяв ее на ваучеры, а чемодан этих бумажек позволил ему владеть огромным мясохладокombинатом на окраине, у леса. У него все было в лучших традициях того времени – золотая цепь толщиной с руку и малиновый пиджак, «мерин» и две певички на подхвате. Впрочем, он не сильно загордился – и лишь изредка пенял мне на то, что я отоваривался спиртным в пьяном доме возле отделения милиции, который торговал весь, сверху донизу, каждой квартирой.

Хозяин жизни уважал моих собак и мои стихи и иногда угощал настоящим вискарем, разлитым, впрочем, все в том же доме.

Так вот – я встретил соседа, точнее, верхнюю его часть, прямо возле подъезда. Прекрасно сохранился его малиновый пиджак, его цепь, его золотые котлы, его цветные внутренности грудой на асфальте. А вот нижней части не было вообще. Что там взорвалось – то ли урна, то ли метко брошенная граната – я не знал, но испытал жгучее желание куда-нибудь свалить, куда-то, где вообще нет людей.

И вот тут-то старый приятель, дружок еще по детскому юннатскому кружку, предложил поехать в заповедник – мол, со мной невеста и ее подружка, но я же с двумя бабами в тайге умом решусь!!

Мог ли я отказать другу? Конечно, нет. И после недели в поезде, когда мне три раза пьяные офицеры из соседнего купе пытались набить морду – ну не нравится пьяным людям моя морда, свойство у нее такое, они не виноваты – после ночи на вокзале, когда между дремлющими на стульях в зале ожидания людьми фланировали воры, ловя возможность тиснуть угол или вообще любой багаж, после отсыпного дня в конторе заповедника (да, прямо так отоспались с молодой подружкой невесты, на год вперед), грохочущей и трясущейся вертушки оказались на первой стоянке.

Потом стоянок было много, причем некоторые вполне экзотические – в заброшенном лагере, например, где идти было тяжело то из-за ржавой колочки, то от выбеленных черепов,

или на бывшей погранзаставе, дверь в которую выломал – перекрутив кованые петли – медведь и оставил на беленых стенах отпечатки лап и носа на стекле.

Но болезнь моя, или дар, или особенность, как хотите, началась именно на первой стойке.

Мы были чужими этому месту – мы разорвали тишину грохотом лопастей и чадом черного выхлопа, мы суетились, восхищались недозрелой брусникой (сколько мне ее потом пришлось съесть) и бурным потоком мутной буйной воды, мы сразу стали кидать в ямы на поворотах русла крючки и таскать голодных полуметровых хариусов.

А нахмурившие лбы сопки наблюдали за нашей суетой и им это не нравилось – по крайней мере, мне так казалось, остальные члены маленького нашего отряда просто повизгивали от восторга своей слабой частью или вели себя демонстративно – мужественно сильной. То есть я с другом и проводником старались жить как раньше, принаравливаясь к непростому таежному быту, не обращая внимания ни на что. Это был единственно верный путь.

Само собой, я не собирался заниматься никакой научной работой, хотя для директора был объявлен почвоведом, и про почвы знал только то, что под слоем мха лежит вечная мерзлота и встречается золото.

И мне первое время совершенно не нравилась тайга, она меня пугала своим суровым равнодушием – кроме того, мне постоянно что-то мерещилось. То эки в рванине, то какие-то меднолицые охотники в расшитых бусами кожаных одеждах, то бородатые купцы на подводах с тюками меховой рухляди.

Мне было страшно даже отойти до ветра от зимовья – хотя через несколько дней я с собой все-таки справился.

Тем не менее я не подавал вида и для моих спутников все было нормально – я таскал рыбу и жарил ее, коптил, собирал бруснику горстями, стрелял по глупым рябчикам, которые рассматривали нас, топорща хохолки, учился жарить ландорики – так местные называли толстые лепешки, заменяющие таежникам хлеб.

Но далеко отойти от зимовья не мог и совершенно не переносил одиночества – за рыбой я ходил с напарником или проводником, за ягодой – с девицами, и в туалет брал бы с собой компанию, если бы это не казалось странным.

И, честно говоря, предпочел бы провести все время в гостеприимном зимовье, которое и срубили-то год назад, с нестандартно большими окнами, светлое, пахнущее смолой, истекающее янтарными каплями на стёсах, оленьими шкурами на широких нарах и железной печью.

К этому месту я привык, и оно меня не пугало – чего нельзя было сказать про горбы окружающих нас сопки, часть из которых была облита светлым осенним золотом осыпающихся перед зимой листвянок, а часть чернела недавним пожарищем.

Но мой товарищ горел желанием показать нам все местные красоты – даром что они располагались в десяти-двадцати километрах от зимовья.

Проводник сопровождать нас отказался наотрез, не сильно вдаваясь в причины отказа. Мол, Курайгагна – река прямая, как черенок лопаты, идите вдоль русла и не заблудитесь. Главное зимовье не проморгайте, там слева столетняя избушка стоит, после десятого километра налево смотрите, внимательно смотрите, аккуратно за вертолетной площадкой вверх по ручью. А меня – нехорошо усмехнулся он – духи туда не пускают.

Я пристал было с расспросами насчет духов, но проводник, недолюбливающий меня за интеллигентскую робость и никчемность, пояснять свои слова не стал.

Мы нагрузили рюкзаки – причем наши девицы, еще не измотанные таежными тропами, потребовали себе полной выкладки, без скидок на их слабый пол – и мы пошли «солнцем палимым». Любимая присказка проводника, который опасался духов – пошли, солнцем палимым.

Солнце в самом деле пекло нещадно, сопки сверкали, слепили, как бока начищенного медного самовара, из-под ног с треском стреляли в стороны кузнечики, рюкзак ломал мне еще

не привыкшие плечи – девы, требовавшие нагрузки, уже через пару километров начали мило капризничать.

Мой приятель оказалась человеком жестокосердным – вот вам река, вот тропинка, никуда не сворачивайте, мы вас подождем, когда придет время привала.

Привал пришлось делать скоро, делить поклажу, подкреплять силы чаем с пряниками – тогда в рюкзаках еще была городская глупая роскошь, пряники – и решать, как быть. Потому что даже без груза наши прелестницы идти не могли – проваливались в метровый слой пружинящего мха, задирали ноги, как цапли, стонали, охали и ныли.

Веселая прогулка за достопримечательностями обернулась чистым адом – и что там такого, чего нет тут? Те же сопки, лиственницы и темная густая вода, выющая струи на стремнине и взрывающаяся пеной на перекатах. Может, домой, ну его, это озеро?

Но друг был суров и непоколебим – это не просто озеро, это место силы, там побывало десять человек за триста лет, из них шесть – шаманы, а трое пришли со мной.

Услышав про шаманов, девы притихли, но при попытке взять поклажу повалились прямо на нее. Без груза они бы дошли, наверное, но с грузом – никак. Прости, любимый, не рассчитала, но ты же у меня сильный, ты же справишься с проблемой?

В общем, конечно, мы все понимали – нежным женским ножкам не место в болотных сапогах, хрупкие плечики невесты не должны ломать лямки рюкзака, и вообще, только ну очень умная особа согласится поменять свадебное путешествие на верховую пустынную лиственничную тайгу, где лишь тучи комаров над брусничкой, голодный хариус в ямах и широкие звериные тропы, где остроконечные кабарожьи копытца давит широкая стопа медведя.

Ну ладно, согласилась от большого ума, то есть любви, и теперь нам надо что-о делать с грузом.

Потому что девица в прямом смысле валились с ног, ходьба вообще не свойственна городским девочкам, ходьба по тайге тем более.

Решили так – мой друг ведет девиц налегке до зимовья, бросает там, предварительно постреляв из ружья, чтобы дать понять «дедушке» что мы люди, что нас много и что у нас есть огнестрельное оружие, от которого лучше держаться подальше.

А я остаюсь с кучей припасов ждать его на день – другой. Отдыхаю, отсыпаюсь, отъедаюсь, дожидаясь, потом мы грузим на себя все что осталось, и уходим.

В общем, план был грамотный, лучше него могло быть только возвращение в первое зимовье, к его панорамным окнам и недоделанной коптильней.

В общем, удалились в тайгу – мой друг с двумя притихшими девицами, совершенно не ожидавшими такой мрачной тяжести вместо легкой и веселой романтики, свойственной привычным подмосковным походам.

У меня же весело пылали три бревна, которые надо был лишь пододвигать к центру пламени, пружинил лапник под боком, а для борьбы с одиночеством я открыл банку сгущенки и стал петь песни.

Лиственницы и покрывший верхнюю часть сопки кедровый стланик благодарные слушатели – и мое пенье, когда я мог переорать грохот реки, без сомненья, им очень нравились.

Больше всего я боялся вечера и снов, которые были настолько яркие и осязаемы, что вполне заменяли реальность. В зимовье было полегче – бормотали девчонки, мужественно и виртуозно храпел проводник, потрескивали и стреляли дрова в печи – звуки человеческой ночи помогали справиться с видениями.

Но обширном берегу из округлых камней я был один и пытался собрать все мужество городского человека, чтобы противостоять подступающему вечеру.

Река стала темной, как деготь. Солнечное золото лиственной хвои начало приобретать густоту и багровые оттенки разлившегося над насупленными лбами сопки закатного зарева. Из-под камней потянуло мертвым холодом вечной мерзлоты.

Огонь отчаянно метался, пытаясь отогнать тьму, но она становилась все гуще и подступала все ближе, и в итоге, устав бороться, пламя спряталось в угли меж стволов и лишь изредка огрызалось быстрыми всполохами.

В общем, все было ничего. Пленка за моей спиной отражала тепло, три банки сгущенки и какао с манкой отяжелили веки и погрузили меня в сытую, медлительную, вязкую дремоту, два рюкзака, набитые под завязку консервами, крупами и сухарями помогли бы прожить – в случае чего – пару недель.

Между мной и огнем лежала груда толстой щепы – когда мне хотелось света, я кидал щепку в равномерный угольный жар и наслаждался быстрым пламенем.

Ночью, совершив усилие, я выбрался из-под тента по нужде, отошел и замер – темнота сгустилась вокруг костра, остальное пространство было залито тонким, серебристым светом рассыпанных мириадом остро сверкающих звезд. Пахло остывшим дымом, студеной водой, умирающей хвоей, и огонь моей стоянки казался крошечной искоркой на фоне невообразимого ледяного великолепия.

Я рванул под свое укрытие – огонь, спальник и полиэтилен создавали иллюзию защиты. В стороне же от стоянки космос, чудовищные пространства смотрели прямо в глаза маленькому человеку, и у того сжималось сердце от величия этой равнодушной красоты.

Но первая ночь прошла спокойно, я бы даже сказал – уютно. К грандиозным картинам ночного неба быстро привыкаешь, так же как к бесконечным одинаковым километрам, подпрыгивающим – после того как сбросишь рюкзак – шагам, постоянной усталости и удивительному, примитивному покою.

Утром я проснулся от частых барабанных ударов по тенту. Небо от края до края было затянуто облаками, низкими и тяжелыми, готовыми катиться по земле, сминая все на своем пути – так они выглядели. Вслед за ними по склонам сопок катилась какая-то белесая пелена, завеса, уже через несколько минут оказавшаяся градом величиной с крупный горох.

Я был бы счастлив классической, вертикальному граду, который падает с небес и пахнет зимой среди лета – но в тайге все иначе. Льдинки секли то справа, то слева, то сверху, на углях шипели тающие шарики, удары ветра вместе с градом били мне по лицу облаками пепла и дыма, плотная пленка тента скоро превратилась в решето, а потом повисла, изорванная, клочьями, я сидел в луже воды с плавающим льдом и понимал, что пока ничего сделать не могу. Скрючился, закрылся капюшоном, спрятал руки, укрыл вещи обрывками полиэтилена и терпел, изредка матерясь на совсем уж откровенные пощечины горстями снежной крупы.

К вечеру добавилась еще одна напасть – река вздулась и начала пожирать берега, с крутого подмытого начали валиться лиственницы, а мой, пологий, практически скрылся под мутной, несущей клочья пены, ветки, стволы, корявые корневища и целые деревья водой. В трех метрах от кострища кипели несущиеся с ревом струи – осознав опасность, и быстро утащил поклажу на самый доступный склон.

Я волок тяжелые рюкзаки, срывая мох и скользя на мерзлоте, греб под себя, как пловец, врубал топор в лед и подтягивался на нем – мутный поток, который неистовствовал там, где я дремал всего лишь сутки назад, очень стимулировал к подвигам.

Я успокоился, только когда космы желтой травы, оставленные на кустах прошлым потоком, остались внизу, и боится, вроде бы, стало нечего.

Вещи я спас, спички были, огонь разведу, как только погода наладится, спальник высушу, а пока можно сгущенкой успокоить нервы. Раз уж спирт с собой не взял.

В общем, на исходе второго дня – как раз в то время, когда мы с другом должны были уже вернуться в новое теплое и надежное зимовье и готовиться к радиальным маршрутам к каким-то легендарным местным достопримечательностям – я сидел на склоне с двумя мокрыми рюкзаками, рваным тентом, сидел на площадке два на два метра, поросшей даже не стлаником, а березками и осинками не выше колена.

Я был мокрый, грязный и замерзший – в поле зрения не было ни одного сухого дерева, валежника или выбеленного плавника. Спичек – я обшарил все карманы – тоже не было, видимо, выронил их во время лихорадочных сборов и перемещения.

Но все было не так уж и плохо – меня могло унести бешеным потоком за много километров вниз, причем не столько меня, сколько мое безжизненное избитое об камни тело, я мог потерять еду, а не только спички. В конце концов, спички надо было просто поискать получше – возможно, был запасной коробок, был наверняка. И я, стучащий зубами от холода, радовался тому, что легко отделался и благодарил местных духов за помощь – Богу вряд ли было дело до зачем-то созданных им безлюдных пространств.

Я хотел бы уснуть – смытое шквалом небо сияло удивительно чистыми красками заката, но прозрачность принесла с собой и холод.

Я рубил банки – замерзшие в ледяной воде руки так и не слушались – топором надвое и ели застывшую жирную тушенку, мечтая о горячем густом чае.

Я вернулся в спальник, застывший от заморозков и гибкий, как фанера, и трясся от холода. Как ни странно, холодное мясо если и грело, то не сильно ощутимо.

Вторая ночь была такой же великолепной, как и первая – опять близко, дотянись рукой, мерцала россыпь звезд, дышащих холодом на землю, разве что не было костра и равномерно ревела вышедшая из удобных мне берегов река.

Я не спал – было слишком сыро и холодно. И не бодрствовал – мутное полуобморочное состояние с видениями, полусон полуявь, бодрствованием назвать тоже нельзя было.

Я то взлетал над разлившейся Курайгагной, то возвращался в относительный уют спальника, увидел широкую спину гуляющего по окружности вокруг меня медведя – утром его будет поливать трещащей бранью кедровка – слетал в верховья и убедился, что через пару дней вода спадет окончательно, можно будет вброд перейти русло и направиться к зимовью.

Когда мне надоело планировать над темной тайгой, я метнулся в зимовье к своим друзьям и был неприятно шокирован тем, чем они там занимались. Хотя ничего особенного – две голые девица спали друг у дружки в сестринских объятьях, а голый же друг, едва не достающий головой до балок потолка, увлеченно что-то вырезал.

Мой друг посмотрел на меня пристально, вздрогнул, перекрестился и прыгнул к девчонкам, прикрыв всех спальником. Я же оказался на мокром холодном берегу в мокром замерзшем спальнике, под паршивым звездным небом, рядом с рекой, которая от дурной силы перекатывала, играя, валуны размером с палатку.

Я потряс головой, отгоняя пакостное видение, и стал всматриваться, где, как мне показалось, похрапывая тяжелым дыханием двигался черной горой медведь. Но, естественно, в серебристом звездном свете ничего не увидел.

Я только вздохнул – отсутствие девки под боком рождает нормальные эротические видения, а медведей тут как грязи – идут к икромету, вполне вероятно, что один шалый шатается рядом. Ничего особенного, постарайся уснуть, желательно без сновидений.

И я уснул, как мне показалось – и во сне пикировал раздраженной птицей на огромного зверя, и он меня видел, поднимал крутолобую башку, хрипло дышал, с отвисшей губы тянулась ниточка слюны. Он не делал попытки меня укусить, или ударить лапой – но видел точно.

Он двигался по параболе двух близлежащих распадков вокруг меня – я видел свои рюкзаки, рубленные банки, скрюченные спальник, а вот был ли сам в том спальнике, не понимал. Манил ли медведя запах тушенки, или хотелось человечинки, я тоже не знал, но кружил вокруг него, как летучая мышь, и прекращать свою игру не хотел.

Я доставал зверя до тех пор, пока он не пошел прочь, по дороге свалив (просто задел плечом) сухую листовку. Под треск падающего ствола – как только я его отличил от шума реки – я проснулся, покрутил головой, ничего не увидели заснул опять, на сей раз уже без сновидений.

Утром я еле-еле смог выползти из спальника. Все тело болело, как побитое камнями, хотя все камни остались внизу под водой. Вспомнив свои сны, я бессовестно выкинул использованные разрубленные банки в поток (за десять лет от жестянки и следа не останется, да и вряд ли их кто-нибудь найдет за эти года) и, охая, держась за поясицу, поднялся метров на двести вверх. Туда, где пикировал на тяжелую крутую башку зверя. Догадка сидела занозой и требовала подтверждения – ночью был всего лишь сон, возможно вещий, не больше.

Надо ли говорить, что следы медведя, громадные босые стопы с гребенкой когтей, топтали тропу именно там, где я видел во сне. Или, не знаю уж, бодрствуя.

К поваленному стволу я подходил, замедляя шаги и просто уселся на него. Этого не могло быть.

Сколько я сидел, тупо рассматривая прилипшие к резине сапог бордовые листики брусники – не знаю. Получалось, что ночью я не видел сон, а в самом деле летал на дремлющей тайгой и действительно доставал медведя. Конечно, летал не в своем теле, но каким-то чудесным образом видел все, что происходило вокруг и даже отогнал от себя, спящего, опасного зверя.

– Спокойно – сказал я себе – это было трагической случайностью. Я не знаю, как достиг такого изумительного эффекта, и весьма жаль, потому что такая способность открывает в жизни новые, интересные стороны. Тебе, дорогой товарищ, надо просто забыть про этот опыт. Потому что второй раз у тебя ничего подобного не выйдет. Вот попробуй, взлети.

Я попробовал – и незамедлительно взлетел, взмыл свечой в небо.

Тело, сидящее на бревне, сползло, как будто в обмороке, а я купался в солнечных лучах, обозревая окрестности. Вверх по течению был виден серый кустик дыма – я метнулся туда и увидел, как жена друга в одной маечке готовит какое-то густое варево на костре возле зимовья. Сам же друг уединился в избе так, что она сотрясалась. Оно и понятно – спасательные работы, пока не спадет река, проводить был бессмысленно, а как еще снимать нервное напряжение? Некоторые вопросы вызывала позиция жены в этой ситуации, но тут уж лично дело каждого.

После чего я вернулся в тело – путешествие за десять километров заняло не больше двух секунд, опять сел на бревно и сжал виски руками. Что это было и было ли вообще?

Разум стал судорожно возвращать себе потерянные позиции и строить логические цепочки. То, что померещилось про зимовье и поэму распутства моего друга с двумя девками – чушь, этого было и быть не может потому что не может быть никогда. То, что ночью я летал и досаждал медведю – обычный сон. То, что зверь ходил по тем тропам, что нашел утром и даже снес тот же трухлявый ствол, на котором я сейчас сижу – странное совпадение.

И второй раз у меня ничего не получится.

Но на всякий случай я вернулся на свое подобие стоянки, пожевал сухого чаю, чтобы хоть немного взбодриться, уселся поудобнее – не сползать же каждый раз позорным пьяницей на землю – и без всяких проблем покинул лежащее на спальнике тело.

На этот раз я решил смотаться в наше первое зимовье – с панорамными окнами.

То ли русло рек там было шире, то ли вода действительно сильно спала – но берег, на который сел наш вертолет, был свободен от воды и по нему не спеша разгуливал огромный лось. С жирным горбом, могучей, распирающей шкуру шеей, разлапистыми рогами – великолепный экземпляр зрелого самца. Проводник сидел на досках возле стены, чистил ружье и смотрел на лося, которого ни разу не беспокоил ни человек, ни дым, ползущий от недостроенной бани в стороне. Я нырнул в эту баню, в холодный горький туман, где висели отличающие густой медью рыбыны – проводник коптил улов.

Когда я завис прямо напротив проводника – тот сощурил выцветшие голубенькие глаза, погрозил пальцем и вдруг плюнул. Плевком поразил меня, как пуля, в мгновение ока я оказался на своем берегу.

Кажется – пробормотал я – у меня появились какие-то странные свойства. И пока что мне все это нравится.

Я еще несколько раз навещал своих друзей – которые вдруг перестали заниматься свальным грехом, как будто их кто-то мог увидеть, а взялись за обычные бытовые дела, которых в лесу всегда хватает – мыли, готовили, собирали ягоды и ловили рыбу.

Я прочитал, что мой друг вырезал на балке – всего лишь свои инициалы и дату, возле других чьих-то инициалов и другой даты – 1908 год от Р.Х.

Но все равно – считал свою способность легким, скажем так, повреждением рассудка. Визит к проводнику меня не убедил, пальцем он грозил лосю на другом берегу, плюнул от досады, что не может пристрелить зверя – куда нам столько мяса?

Медведь – сон, бревно – случайность, никаких вырезанных инициалов нет и быть не может. От переживаний у меня поехала крыша и мерещиться невесть что.

Хотя мне нравилось купаться в солнечных потоках, мне нравилось испытывать непередаваемый восторг, который, кажется, не связан был с телом – я совершенно не мог объяснить, как это, но, когда возвращался в свое плотское обиталище, похрапывающее на спальнике, испытывал моментальную тоску по свободному полету.

Если это и есть сумасшествие – решил я для себя – то пусть я буду психом, но от такого опыта не откажусь. Летать и видеть – что может быть лучше?

Три дня не спадала вода, три дня я носился по сопкам, как безумный, отогнал своего несчастного медведя на безопасное расстояние, и все хотел узнать, как он меня видит – назойливым жуком или устрашающей тенью?

Но под толстую черепную коробку зверя вход мне был закрыт, мысли его я читать не мог – оно и к лучшему, вряд ли там было что-то интересное кроме бесконечного желания обжираться, обжираться и еще раз обжираться.

И делиться со мной, распарывающим воздух призраком – это я для красивого словца, ничего, конечно, я не распарывал, да и существовал ли вообще – весьма сомнительно.

Когда через некоторое время я решил привести изрядно пошатнувшуюся психику в порядок, добрые врачи – а их был не один десяток эскулапов, к которым я обращался за помощью – в один голос утверждали, что не было никаких полетов, ни во сне, ни наяву, все это продукт не очень здоровой психики и очень нездорового мозга.

Когда появилась возможность исследовать мозги до последнего закоулочка, то есть до глубин самой извилистой извилины – те же мои друзья в белых халатах азартно занялись этим, выискивая тромбы, очаги некроза, аневризмы и прочие отклонения. И прятали глаза от моего испытующего взора, поскольку мозг был чист, как у молодого человека.

Поэтому решили, что мои видения – это просто особенность, талант, тем более что голова предмет темный и исследованию не подлежит, как утверждает вечная классика.

Вообще было любопытно – тело коченело на склоне, правда, сытое и в укрытое спальником, а я слушал беседы своих друзей, не имею возможности к ним присоединиться, ради интереса занимая самые разные места в зимовье – от раскаленной докрасна печи, которая меня лишь слегка грела, до ложбинки меж грудей жены друга. Жена несколько раз посмотрела на свою грудь удивленно, почесала меня пальцем и больше не тревожила своего невидимого гостя. Это было забавно, но не более.

Менее забавны были возвращения – спящее или бессознательное тело, я так тогда и не смог разобраться в своем состоянии – тяжело приходило в сознание. Затекие руки и ноги не хотели слушаться, меня била дрожь накатами, я испытывал какое-то не очень приятное телесное беспокойство, двигался неуклюже, возился, нагнетая кровь к мышцам.

Некая проблема возникла с проводником – казалось, что он видел меня каждый раз, когда я приближался. Чем бы он не был занят, рыбной ловлей, чисткой ружья или задумчивым пусканием вонючего дыма в клубы комарья – он обязательно поворачивался в мою сторону, морщил лоб, изображая улыбку, а потом делал какой-то жест, неприличность которого зависело исключительно от его настроения.

Вряд ли он меня видел – тем более что я сам не знал, в каком виде мое сознание носится над безлюдными сопками – но каким-то загадочным образом реагировал.

Во время этих странных и загадочных, страшных и порою смешных приключений выяснилась одна особенность – я владел только прошедшей информацией. То есть, гнездясь за пазухой девицы, я мог быть уверенно только в том, что какое-то время назад я там был, но что эта девица сделает потом, я знать не знал. А один раз она меня основательно умыла. То есть умыла себя, я же по привычке шарахнулся от воды и потерял свое излюбленное гостевое место.

Я мог гулять по прошлому – но никак не мог на него повлиять. Фактически, я рассматривал картинки, иногда с близкого расстояния, иногда с не очень, но не мог, никак не мог вмешаться. А что будет впереди, хотя бы через секунду – я не знал.

Приобретенные мной особенности были забавны, но бесполезны. Зачем лезть в прошлое без возможности его изменить?

Какой в этом смысл?

Удивительно было другое – мои друзья каким-то удивительным образом иногда, не каждый раз, ощущали лазутчика из будущего, и относились к нему без страха, хотя я бы напугался самого ощущения присутствия чего-то неведомого.

Хотя я бы и сам похулиганил – чего уж тут врать. Я бы охотно изобразил какую-нибудь страшную, растущую на глазах, как грозовая туча, тень, или толкнул бы под локоток, или заревел страшным голосом, а может и сделал бы подсказку, полезную и нужную. Но возможности хоть как-то влиять на события я был начисто лишен.

Зритель, всего лишь зритель того, что было недавно.

Причем само понятие – недавно – было тоже очень странным. Меня могло выкинуть и на несколько суток назад, и на пару секунд – когда в пятнадцать километрах от нашей стоянки я наткнулся на трех беглых зеков, которых уже перестали искать и которые шли к низовьям, где лосось шел на нерест сплошным потоком – выше он разбирался по маленьким речкам и ручейкам – я присутствовал среди них фактически в режиме настоящего времени, отставание на пару секунд в счет не шло, но все равно это было отставание, это уже было, и оставалось в прошлом.

Я, кстати, сильно сомневался в том, что моя новая способность сохранится, когда мы вернемся в город. Вполне возможно – думал я – что такие странности появились исключительно от окружающей тишины, дикости и чужеродности любому цивилизованному человеку. Если же окажусь в привычном окружении, то все исчезнет, как беспокойный сон, и даже воспоминаний об этих таежных странностях не останется.

В общем, на меня свалились странные навыки – но ни что с ними делать, ни как ими управлять я не понимал и пользовался так, как получалось, иногда возвращаясь к своему заброшенному, находящемуся почти в коме телу, чтобы раскатать его, растормошить, разогреть и оставить отдыхать.

Когда же мой приятель, устав от постоянного разврата – ну а что еще делать в глухой тайге, в маленькой избушке с двумя весьма зрелыми девицами? – двинулся вдоль берега в мою сторону, мотивируя это тем, что уже пора, а если брод накрыт бурлящей стремниной – ничего страшного, подождет денек на берегу, а вы здесь, красавицы, по хозяйству пока отдохните.

Красавицы бы его, конечно, не отпустили, но мысль о том, что меня могло унести водой или съесть медведем, их пугала, они были хорошие девочки, добрые и всегда идущие навстречу.

Я же, совершая облет территории – это стало необходимостью, я подсел на полеты, как наркоман – увидел своего друга и так обрадовался, что вцепился в него всей своей бесплотной сущностью, носился кругами, надеясь, что он ощутит ветерок от моего бешеного скольжения, и был рядом до того момента, когда он вышел на берег.

И что он увидел? Воду на месте моей стоянки, и выше на склоне – свернувшееся калачиком тело, похожее не труп. Пришлось оставить моего друга, тем более что он меня не ощущал, вернуться в себя и помахать ему – все нормально, где тебя носило, пораньше не мог? Тут медведи вокруг гуляют, как по Бродвею, а я, простите, с одним только топором, вы же мне даже ружья не оставили, даром оно только рябчиков бить годится.

Ничего такого я не говорил, я это орал, орал просто от радости, мог орать все что угодно – за шумом воды нас слышно не было.

Помахав руками и показав, что я живой и не так уж плох качеством, раз выжил столько один в тайге, я не смог сдержаться и наведалься к своему другу.

Он, сибарит и умелец, быстро и ловко оборудовал себе стоянку – маленький костерок для чая, два длинных бревна для тепла, тент отражатель – в общем, все, как всегда, но почему-то очень складно и ловко. У меня так не получалось.

Мой друг, оказывается, беседовал со мной. В таком ключе – парень ты, конечно, хороший, но нелепый какой-то. Все у тебя на слава Богу. Река разлилась – как раз когда ты на плесе остался. Вот если бы я остался, никакого разлива бы не было, речка в своем русле бы так и бежала. Спички ты, конечно, профукал, а поискать нет? Они в маленькой чайной жестянке лежат. Костра нет, голодный, небось всю тушенку сожрал, нет чтобы рыбку поймать. Как можно без огня три дня сидеть? Так и рехнуться недолго.

Не выходит из тебя настоящего таежника, крутого таежного мужика, не чувствуешь ты тайгу и боишься, а она тех, кто боится, никогда не примет. Задавит либо камнем, либо медведем. А так-то ты мужик хороший, носильщик выносливый, только вечно ждешь, что за тебя кто-то что-то будет делать. Либо пинков тебе давать, либо делать за тебя все что нужно, а кому это нужно? А никому это не нужно.

Вот таким образом мой друг разложил меня по полочкам, оценил, взвесил и признал ни к чему негодным.

И меня это, понятно, обидело. Первым делом я нашел маленькую чайную жестянку и достал спички. Развел костер и приготовил кашу с тушенкой.

Потом достал снасть, вырубил длинный хлыст из орешника, нашибал шапкой кузнечиков – и за полчаса надергал пять здоровых хариусов из ямы на повороте русла.

При этом я аж трясся от возмущения – надо же, гад какой, не в бровь, а в глаз попал. Да, почему-то я сижу и ничего не делаю, пока мне не дадут живительного пинка. Пинок всегда унизителен, но почему-то я его жду и без него ничего не начинаю. И вообще стараюсь не делать ничего и никогда, лишние это действия, не лишние – неважно, чем меньше делаешь, тем дальше от тебя энтропия, которая ведет к развалу и гибели.

Сиди, слушай, наслаждайся, а все делается само – причем обычно без твоего участия.

Я так жил все свои недолгие года, и все меня устраивало, я об этом даже не задумывался. Возможно, потому что никто не говорил о своем ко мне отношении.

После всех дел я опять смотался на другой берег и послушал, как мой друг, с удивлением поглядывая мерцающую на рыжем склоне точку, говорил – надо же, только подумал, какой он никчемный, как он все мои мыслишки взял, да и опроверг. Хреновый я прорицатель, оказывается, но и ладно, не страшно. Парень хороший, но несклепистый, все у него из рук валится, из карманов высыпается. Как будто не мог раньше спички найти.

А ведь не мог я раньше найти эти спички, не мог. Гораздо более интересными вещами занимался.

Так, на разных берегах одной реки, мы просидели еще день – пока не открылся брод. Друг переправился на мою сторону, мы упаковали пожитки в рюкзаки и пошли по тропе, которая мне стала уже почти родной и знакомой до каждого поворота, оленьего следа и валуна, который она аккуратно обходила.

Я над ней летал.

Мне было интересно мнение других людей о моей персоне, я бы с удовольствием бы поприсутствовал при разговоре, который был актуален секунд пять назад – но все-таки это было сильно энергозатратно.

Было хорошо, когда после полетов – честно говоря, я так и не мог понять принцип всего действия, но факт оставался фактом, не требующим объяснения, поскольку объяснений банально не было – когда после полетов я мог честно отдохнуть.

То есть я возвращался в свое озябшее тело, свернувшееся клубком среди холодного мха, и, слегка размяв окостеневшие руки-ноги, ложился спать. Сон, когда сознание мечется над сопками, пугая медведей и оленей, совершенно не освежал, как выяснилось.

Поэтому я не мог полноценно функционировать, если применял свое умение слишком часто.

А функционировать приходилось ежеминутно – иначе в тайге просто не выжить.

Я перешел через реку, обнял своего товарища, который мне искренне обрадовался, взвалил на плечи лямки груза и пошел к зимовью. О том, что я видел, я предпочел не распространяться. Мне же в самом деле могло померещиться все – и полеты, во сне, так сказать, и наяву, и свальный грех, и рассуждения друга о моей никчемности.

Поэтому я молчал, рассказал разве что про медведя, который ходил три дня кругами, а знал я про это, потому что го поливала грязью склочная птичка кедровка, которая не может пройти мимо любого живого существа, не обматерив его по-своему.

Мой друг этого медведя видел и сильно переживал – зверье даже в заповеднике пуганное, откормленное на рыбе и бруснике, но бывает всякое.

Поэтому, пока я не проверил, что там вырезал друг на балке зимовья, даже не потемневшего за сто лет – отличительная особенность лиственница – к новому опыту я относился как ко временному психическому расстройству.

По дороге в разных местах мы подбили пять рябчиков. А когда после радостных объятий и ненужных расспросов я попросил пару часов отдыха – в одиночестве на берегу я почти не спал от холода и страха, очень хочется сна в безопасности – мои друзья остались на улице, готовить птичек.

Я встал на край нар – моему длинному другу этого не нужно было – и увидел то, чего совершенно не хотел. Глубоко вырезанные сильной рукой инициалы и дату. Как раз то, что я видел с своим то ли сне, что ли непонятно в чем.

Я вышел за дверь с таким лицом, что друзья хором спросили – да что с тобой такое? На что вполне резонно отшутился, мол, сон плохой увидел. Только прикорнул, как кошмары навалились, так что я лучше дневной сон похерю, тогда ночной будет точно крепче.

Оставшийся до выброски месяц ничем мистическим не отличался – полеты, посещения не ведавших того друзей, пусть в прошедшем времени, но все же, я предпочел забыть. Точнее, делал все, чтобы забыть, но не всегда получалось.

С чем удалось справиться – так это с дневными полетами. Причем, как мне тогда казалось, для этого была использована только сила воли. Хотя скорее всего отлучаться от своего уставшего, растолстевшего, выносливого, пропитанного дымом костров и потом тела в компании друзей была так себе задумка. Тело-то грохалось в обморок, или в глубокий сон, сознание кувырчалось в солнечных потоках над золотыми сопками и черными реками.

А ночью никто ничего особенно не мог заметить – после дневных переходов и более чем плотного ужина, так что животы распирало, как перекаченную камеру, все валялись с ног. Возможно, двухразовое обильное питание, утром и вечером – в обед был как правило скромный перекус из нескольких полуметровых рыбок или дюжины подстреленных походу рябчиков – держало всех нас в таких весьма упитанных телах, несмотря на ежедневные многокилометровые переходы и тяжелый груз.

Так что ночью я был предоставлен сам себе – и распарывал воздух над спящими сопками, не заботясь ни о высоте, ни о дальности полета.

Единственное, что меня волновало – это найти дорогу обратно, в жаркий сонный мир натопленного зимовья, где хором храпели друзья.

Правда, один раз в пяти километрах от нашей стоянки я увидел мерцающую красную точку и спикировал вниз – там грели пятки у костра двое совершенно разбойничьего вида. Кирзовые и болотные сапоги стояли рядом. Пара курила и обсуждала, стоит ли им подходить к компании из пяти человек, с тремя крепкими мужиками и оружием.

Я завис над их затылками, жалея, что не могу оглушить, и досадовал, пока один из них не пожаловался на холод со спины и не подбросил дров.

Они решили не нападать на нас, поскольку взять с нас особо нечего, а напасть на золотой прииск – ранним утром, пока работяги не проснулись, навестить повариху, набрать еды и уйти на икромет.

Был риск, но была и выгода – прииски снабжались по первой категории.

Отдыхали они не долго – залили огонь и пошли по бережку, хрустя галькой, а я носился над ними бешеным вороном и не знал, что мне делать.

Беглые прошли мимо зимовья стороной – правда, постояли, понюхали дым, выматерились и побрели себе дальше.

Мое спящее тело как будто чувствовало неприятности – сердце колотилось, как бешеное, было мокрым от пота. Правда, возможно, что просто из-за жары, проводник, любящий тепло, переборщил с огнем.

Он встал очень рано, едва только предрассветная мутная серость растворила вечный космический мрак, взял снасти и ушел за хариусами. Вернулся без рыбы, озабоченный, и заявил, что нам надо идти на прииск за помощью.

Уж куда-куда, а на прииск мне идти совершенно не хотелось. Думалось, что после визита беглецов – уже позже я сообразил, что это беглые зеки – прииск был похож на разъяренный улей.

Я всячески саботировал этот поход, ныл про уставшие ноги, убеждал, что отсутствие рыбы – временная неприятность, потом сослался на головную боль и выклянчил пол часа отдыха перед дорогой.

Конечно, я это сделал зря. Беглых я нашел спящими за восемь километров от прииска, но в этот момент что-то подзревающий проводник долго тряс меня за плечо. А я не просыпался.

Он, скребя щетину, вышел в глубокой задумчивости, и сказал, что ваш товарищ, судя по всему, болен шаманской болезнью, никак иначе его странности объяснить невозможно.

Какие такие странности? Ребята ринулись выяснять, что со мной не так, и я их вовремя встретил в дверях. Выздоровевший и на любые прогулки согласный.

Мы пришли на прииск – один лохматый юноша в кирзовых коротких сапогах, прорезанных у подошвы, чтобы быстрее выливалась ледяная вода – что поделать, мои болотники пришлось отдать одной из крошек – второй в болотниках. И размер такой же, как у грабителей. Было несколько странно, что ночные налетчики, до смерти в три ночи напугавшие повариху, набравшие еды, наказавшие молчать четыре часа – вернулись как раз когда эти четыре часа истекли. Только из-за этой странности нас не забили сразу.

Когда все выяснилось, нас парили в бане, кормили всем надоевшей икрой, помидорами, огурцами и ананасами, медвежатинной, олениной и осетриной, колбасами, сырами и пельменями, дали коньяку из начальственных запасов – так что на прииске царил сухой закон, приглашали пожить недельку, поспать на чистых простынях и вдоволь насмотреться спутникового телевидения.

Когда мы попросили по мешочку гречки, риса, пшена – нас отправили все к той же поварихе, которая с новыми подробностями рассказала про ночное ограбление, а подсобный рабочий, кряхтя и слегка недоумевая, принес три пятидесятикилограммовых мешка, от которых мы отказались, потому что не унесем.

До зимовья нас добросил вездеход, там мы поделились своими скромными запасами спирта – ну, как, выпили по кружке разведенки за встречу, знакомство и счастливый конец, потому что зеки нас, без сомнения, постарались бы убить, а кого-нибудь взять как запас.

Золотодобытчики, слегка расстроенные малым количеством спирта, отправились к себе, а мы стали делить полученное под восторженный девчачий визг.

Проводник же, улучив минутку, отвел меня в сторону и просил прямо – откуда я знал про пару в кирзовых и болотных сапогах? Я скроил дурацкую рожу и ответил – летал над тайгой, чтобы отдохнуть, и натолкнулся на них. Послушал, испугался, что тут особенного?

По идее, на меня житель тайги должен был посмотреть, как на дурака, но он воспринял это серьезно. Сказал – не надо было тебе на Курайгагну ходить, я же предупреждал. Если духи мучать начнут – ешь мясо. Сырое. Собачье.

Глава 2

Москва встретила нас как обычно – густым смрадом, который особенно остро ощущался после хрустального таежного воздуха, толпами озабоченного мчащегося куда-то люда, наглой рекламы, ларьками, которые выросли, как грибы на трупе, острым запахом живущих на Трех вокзалах бомжей, жетончиками на метро, чью стоимость можно было поднимать бесконечно, быдлом в красных пиджаках и началом точечной застройки. Которая, конечно, перед появившимся позже кварталами совершенно жутких челоуейников выглядела милыми детскими шалостями.

Дешевые певички орали – американ бой, уеду с тобой, на каждом углу торчал ларек с бухлом и самым разнообразным товаром – я как-то купил в одном киоске бутылку водки, два лимона, аспирин и кроссовки – старухи возле Кремля торговали трехлитровыми банками окурков, зазывая покупателя «смотри, это королевские бычки, касатик», по Красной площади шастали стаи лохматых блохастых дворняг и на Васильевском спуске раскинулся палаточный городок приехавших за справедливостью шизофреников.

Они искали ее, потребляя водку в немыслимых количествах, стоя с плакатами и живя среди собственного мусора. Для Америки, в общем, это вполне обычный вид – но после вылизанной, тихой советской Москвы, заповедника лучших людей страны, грязный разгул безумцев и бандитов выглядел страшно и удивительно.

Я уехал, переступив через глянцевые потроха своего соседа – через два месяца стало только хуже.

В тайге же все было просто и замечательно – на каждом речном повороте в яме, вымытой течением, тебя ждали несколько хариусов в полтора локтя длинной, регулярно попадались на мушку нежно посвистывающие стайки рябчиков, которых можно было, наскоро соорудив костерок, за пять минут зажарить до хрустящей готовности.

Несколько утомляла величественная красота, которой вообще не было дела до ползающих по поверхности белковых тел, иногда хотелось чисто человеческих изысков – колбасы, например, огурцов или торта.

Но все было ясно и понятно – от зимовья до зимовья пятнадцать километров, дичи хватает, ягоды и рыбы – тоже. Можно брести, солнцем палимым, и думать о вечном, которое застыло вокруг.

И вот после всего этого – грязный табор обезумевшей столицы девяностых.

И, что самое печальное – моя странная привычка носится над тайгой, пикируя хулиганистой разозленной птицей на зверье, путешествуя в недалекое прошлое (до далекого прошлого я еще, видимо, на тот момент не дорос) не прекратилась, но обрела черты пестрого городского безумства.

Я хотел безобидно посмотреть, чем занимались мои друзья – но в картину пьянки врывались какие-то бандитские рожи, всасывающие через долларовую трубочку дорожку, какие-то перестрелки и кровавый след за ползущими на локтях людьми, бородатые озверелые фанатики, которых я не хотел даже видеть, попы, делящие пачки замусоленных мелких банкнот, детей лицом в пакет с клеем.

Я пытался взлететь над озером огней и горящими венами ночного города, но путался в рассекающих меня проводах и падал.

Дошло до того, что я начал бояться спать – потому что полноценных полетов, после которых я просыпался свежим и отдохнувшим, уже не было. Я взмывал, направлялся куда-то, попадал в ужас с торопливо возвращался.

Просыпался в холодном поту и засыпать уже не хотел – окружающий меня уютный мирок с собаками, ночником, алкоголем и книгами был гораздо притягательнее, чем бредовые картины, свидетелем которых я был.

Я получал знания, о которых не просил. Я потерял свободу воли, я не мог регулировать этот навязанный мне дар или подарок – значит, он мне не нужен.

От алкоголя через некоторое время пришлось отказаться, на мой бред спирт накладывал свой, и разобраться, что было на самом деле, а что подсовывает мне отравленное сознание, не было никакой возможности.

Оставался, как мне казалось, на тот момент, всего лишь один выход – обратиться к специалистам.

Ко врачам я идти категорически не хотел. Ну, представьте – появляется молодой человек со вдумчивым таким взглядом, я говорит, что летает по ночам. А проблема в том, что летает он не просто так, а по недавнему прошлому, и эти полеты заносят его в такие места, в которых он предпочел бы не бывать, и заставляют видеть такие картины, которые он видеть не хочет.

Мне представилось, как седой эскулап, поправляя заслуженные очки на красном носу, деловито осведомляется – а летаете вы, голубчик, сознанием или телом? – Сознанием, наверное, или бессознанием. А что, доктор, в теле тоже летают? – Да, голубчик, летают, сколько угодно. Если с пятого этажа, что выживают, если выше – обычно нет. Значит, вы летаете во сне. – Нет, доктор, не только. Иногда и днем отключаюсь, но обычно все-таки ночью. – Занятно, молодой человек, занятно, но помочь я вам ничем не могу. Больницы, понимаете ли, не функционируют, насильно, понимаете ли, госпитализировать мне вас не получится, да и не с чем. Так вы говорите, что вы нормальный? – Доктор, я боюсь, что я уже сумасшедший. – Да-да, голубчик, да-да, вот и я про то же – вы совершенно здоров. А летают многие, многие летают, лошади то же летают, вдохновенно, знаете ли, иначе бы разбились мгновенно... – А собака бывает кусачей только от жизни собачьей. Спасибо за консультацию, док – Не за что, голубчик, с вас десять миллионов. Оплатите в кассе.

Примерно так бы и закончился мой визит ко врачу. Хотя, конечно, взял бы он за такую оригинальную консультацию больше, чем обычно.

Оставались, так сказать, коллеги, которые могли меня не только понять, а и проконсультировать.

Вообще в девяностые хорошо жилось трем прослойкам – проституткам, магам и спекулянтам всех уровней. Это были обширные поля, на которых мог пастись любой желающий, тогда как самая обильная кормушка – эстрада – была закрыта для широкого доступа. Хотя еще не полностью. То есть к молодому исполнителю можно было вполне подойти после концерта и предложить стихи, он их, не сильно вчитываясь – не его это дело – отдавал композитору и вдруг рождался шлягер.

Но самые демократичные были маги. Для проституток требовался пол и некоторая смазливость, для коммерсов начальный капитал и всегда был опасность получить раскаленный уют на спину или гранату под днище машины. А вот магом мог стать абсолютно любой – и всегда находились дураки, желающие отдать собственные накопления за хоть какое-то подобие чуда.

С экранов магии заряжали воду и рассасывали бородавки – правда, поговаривали, что не некоторых бедолаг, слишком фанатично прилипших к экранам, рассасывались и первичные половые признаки.

Укладывали на пол стадионы мановением руки, заставляли петь стеснительные и танцевать толстых. Продавали волчье влагилице на удачу, щепки от кола, на котором кончил свою веселую жизнь граф Дракула, а уж обереги от настоящих тибетских монахов, тундровых шаманов и потомственных магов изготавливались инвалидными артелями в промышленных количествах.

Гадалки, ясновидящие, прорицатели, маги черные, белые, серые и крапчатые торговали взвесом, вразнос и на вынос удачей, венцом безбрачия, заговорами на богатство, приворотами, гаданьем на картах, кофейной гуще, хрустальном черепе (полтора миллиона в любом эзотерическом магазинчике) и биоэнергетических рамках (провода в трубочке, всего лишь миллион).

Особо продвинутые и самые черные из черных могли свести в могилу и отогнать, как наглых голубей, удачу.

Один страшный маг спокойно убивал конкурентов силой своей мысли, брал за это деньги, а когда заказчик удивлялся, что убитый аккуратно ходит на работу, объяснял, что это не убитый, а его монада, так надо, чтобы отвести подозрения. То есть тупая энергетическая оболочка, а самого объекта уже нет, он уже покрывается корочкой в самом жарком уголке ада. Не желаете ли вслед за ним, проверить, так сказать? А монада – что монада, это всего лишь копия, кукла, проще говоря.

Со всех сторон на бедного обывателя смотрели горящие сатанинским огнем глаза, пускали молнии хрустальные шары, трескали колоды карт таро, биоэнерготерапевты водили руками и накачивали бедолаг энергией, как насос камеру велосипеда, заодно откачивая грешные бумажки из кошельков.

Вспомнили советского официального шизофреника Иванова в трусах и белых волосах, и вроде бы начали торговать запасами воды с его омовения – но не выдержали конкуренции и остались со своими прорубями, косноязычными текстами больного человека и добровольными пожертвованиями. На которые, впрочем, главари этой секты вполне припеваючи жили.

Слепая старуха продолжала вещать, особо наглые аферисты обещали воскресить детей, погибших при террористическом акте – деньги, нажитые на горе, тоже не пахнут.

Мне не нужны были аферисты, мне нужны были настоящие маги, или колдуны, или черти в ступе – главное, чтобы могли объяснить, что со мной происходит.

Кстати, появилась гнусная мыслишка – если я могу видеть то, что было, с мельчайшими правдивыми подробностями, о которых знать могут лишь участники событий, то, может быть, есть возможность как-то на этом зарабатывать?

Потому что деньги в новой стране, все еще населенной старыми людьми – единственная достойная цель, мерило жизни, точнее качества жизни, потому что сама жизнь независимо от ее значимости в социуме, стоит не так уж дорого, некоторая вообще не дороже бутылки водки.

В идеале хотелось бы поправить психику, которая буквально шаталась под ненужным мне грузом.

Правда, сначала я пошел по более традиционному пути и посетил церквушку на высоком берегу пруда – заодно вздохнув о развалинах кинотеатра на его берегу, который сначала приватизировали, потом отобрали, потом отобравшего взорвали, потом здание подожгли, потом там жили бомжи и собаки, теперь страшные черные развалины в грудах битого стекла – бывшие витрины – обнесли забором и поставили охрану, вечно пьяных стариканов в будке с коротким топчаном, чайником и переносным телевизором.

Православная церковь, отделенная от государства, еще не набрала своей последующей мощи – но трёхсотлетний храм стоял крепко.

Я прошелся по пахнущему сладким ладаном полумраку, поставил свечи перед иконами, знакомыми с детства, опять вздохнул о разрухе под древними сводами – на подоконниках лежали пустые оклады и стояли бутылки с колодой, у стены дремал дурной пахнущий нищий, а старуха, торгующая свечами, недружелюбно буравила меня запавшими глазками.

Тем не менее служба шла, батюшка нараспев читал богослужебные тексты, хор был слышен и без микрофона – и я себя ощущал как будто дома, вернувшимся после долгой разлуки.

Я слышал о бесноватых, боящихся храмов, и после таежных приключений опасался чего-то подобного – но ничего не произошло. Встал в конце небольшой очереди, поцеловал, как и все, икону, не сильно задумываясь, что происходит, получил крестовой мазок на лоб и вышел.

Не задымился, не обжегся, не свалился в корчах, не завыл дурниной, не заговорил на чужих языках – разве что понадеялся, что возобновится жизнь нормального человека.

И, в общем, на какое-то время мне удалось забыть и про полеты, и про путешествия в недавнее, недоброй памяти прошлое – потому что ничего хорошего в прошлом я не видел, хотя, казалось бы, все должно было быть наоборот.

Я успокоился настолько, что перестал думать про помощь паразитирующих на тяге людей к потустороннему аферистов и устроился на работу.

О, какая это была работа!!! Вот не перестану возносить осанну охране девяностых. Ибо тогда это было спасением для всех, кого проклятые воротилы с бульдожьей хваткой выбрасывали на обочину жизни. В охране сидели учителя, профессора, высококвалифицированные рабочие, артисты и музыканты. Один раз мне пришлось охранять какую-то стройку с командиром атомного подводного крейсера – в общем, мы пили с ним сутки, поминая уничтоженную страну, потом разъезжались по домам.

Причем представители творческих профессий могли не умереть с голоду и заниматься тем, для чего и были созданы – режим сутки-трое вполне это позволял.

Нас встретили возле больницы на Новогиреевской улице, раздали пятнистую форму, пачкающие черным дубинки, высокие ботинки, береты, которые все тут же дружно выкинули. Расписали график, отвели в подвал – там охране выдали комнатуху с двумя топчанами и телефоном – и работа пошла.

Телефон иногда звонил и милые девичьи голоса звали нас на этажи – полюбоваться на такое диво. То есть – пододвинуть мебель или помочь отвезти каталку с неподъемным трупом в морг.

Мы не отказывались – интернет еще толком не придумали, телевизора в подвале не было, и скука разъедала душу.

Потом стало повеселее – широкий проезд для транспорта, в советское время всегда открытый, перегородили воротами, которые мы с умным видом открывали. Стоит командир атомной подводной лодки и жмет красную кнопку, и благодарит судьбу за такой подарок.

Но возле ворот был домик с окнами, мимо шел поток людей и шумели березы вполне приличного по размеру больничного парка.

В общем, днем мы занимались тяжелым квалифицированным, непосильным, прямо скажем, трудом, а по ночам ходили на этажи, где у сговорчивых сестричек всегда был спирт и горячие объятия.

Днем охрана гуляла по территории, вечером пекла картошку в золе – березы больничного парка переговаривались с Измайловским лесом через шоссе, пылал огонь, густели сумерки, на газетах бесплатных объявлений лежала снедь, собранная на работу матерями и женами, теперь – общая закуска.

Зажигались огни в окнах старого, сталинского корпуса, медперсонал заканчивал с процедурами и разводил спирт, всякий знал, на какой этаж к кому пойдет, даже пятидесятилетние старики находили себе – кто усатую врачиху, кто санитарку чуть выше локтя ростом, кто пятидесятикиллограмовую фельдшерницу приемного покоя.

Все было прекрасно, но главное – во время пьяных рабочих ночей было не до снов и видений, в отсыпной день тоже, два оставшихся дня организм приходил в себя перед следующими сутками на тяжелой работе.

И я вздохнул свободно – кажется, таежный морок меня отпустил. Похоже, я нормальный человек и счастлив этим. Может быть, мне даже удастся получить высшее образование и найти хорошую работу – чем леший не шутит.

Горизонты расчищались от мистических туч. Я ехал на службу в прекрасном настроении, улыбнулся знакомой санитарке, которая сидел через два сиденья и тоже улыбнулась мне. Отчего бы и не улыбнуться – хорошенький кудрявенький охранник, быстро бежит по свободному шоссе троллейбус, ждет родная больница, в которой она проработала четверть века, с двадцати лет, где она знает всех – от директора и главврача до лифтера- сектанта.

Ее больница – второй дом с огромной, сложной, настоящей семьей.

Я посмотрел на Римму и вздрогнул – ее накрыла тень, как будто черная газовая легкая ткань, и одновременно кольнула мысль, что Римма сегодня умрет.

Ей было чуть за сорок, худая, похожая на настороженную птицу с быстрыми глазами. Она много курила, не отказывалась от стопочки, но знала меру – вот и все, что я о ней знал.

Я выругался про себя на себя последними словами – но поздно ночью лично отвез Римму в морг и сдернул простынь с нагого тела. И вздрогнул – голова была закинута, как всегда при агонии, рот открыт и круглые глаза смотрели прямо на меня.

Она упала в коридоре, и весь вечер и половину ночи родная больница гоняла ее с этажа на этаж, от врача к врачу, и я не знаю, почему никто не захотел ей помочь.

На этой смерти спокойный период моей жизни закончился.

Я не мог спать. Не мог пить. Мне хотелось взмыть над городом, но я боялся, что небо, рассеченное проводами, рассечет и меня.

На работе было проще – коллектив, как никак, вечная болтовня, подначки, смех не давали уйти в себя и обратить внимания на ленты чужих жизней.

Более того, все эти ленты – по-другому нельзя назвать вереницы картин, пестрой чередой следующих одна за другой – относились, в основном, к не самым лучшим событиям. Драки, пьянство, бесконечный однообразный разврат – я и не думал, что азартно совокупаются все со всеми, совершенно не обращая внимания на кольца на пальцах – а то и кое-что похуже.

Стараясь избавиться от этого нехорошего бреда, я все меньше времени проводил дома – благо, всегда при мне была большая черная собака – в основном бродил по двум расположенным относительно недалеко паркам.

Мне казалось – а может, так оно и было – что деревья вытягивают весь человеческий шлак своей мощью, растворяют его, обменивая на покой и чувство защищенности.

Парки еще были похожи на лес и почти не просматривались, сырые тропинки расходились среди кустов и крапивы, выводя обычно на утоптанную полянку с костровым ожогом посередине, иногда даже не сильно замусоренную. Про шашлычные места и гаревые дорожки тогда даже помыслить не могли. Иной раз приходилось наткаться и на наркоманов, шатающихся, как тростник на ветру и столь же сильных, и на шумных пьяниц, которые могли набить морду просто ради веселья, на странных волосатых просветленных личностей, которые с блаженными улыбками делали какие-то странные пассы руками и всем телом.

Иной раз – куда деться – среди травы мелькала трудолюбиво прыгающая задница и приглушенно раздавались характерные стоны. Всюду жизнь, как говорится.

На все эти вещи я смотрел спокойно – веселые пьяницы затихали от одного взгляда Мальты, волосатые были безобидны, а парочки сами всех боялись.

Потом я заметил, что относительный покой мне приносит не опьянение – а лишь усталость. И стал накручивать круги, иной раз переходя на бег. А потом и вовсе побежал, с удовольствием отдыхая потом – полноценным, здоровым сном, надо сказать. Собака моя накачала мышцы от пробежек и стала совсем страшной.

Она прекрасно знала все наши обычный маршруты – это раз, и вообще, отогнать от меня Мальту было просто невозможно – это два. Мы с ней понимали друг друга даже не по взгляду, по мысли и настроению. Я не даже не смотрел на нее, зная, что где-то рядом, выше колена, движется черная холка и бугрятся мышцы плеча, иного и быть не могло.

Поэтому слегка обалдел, когда Мальта, вместо того чтобы идти домой, свернула к боковой тропке и встала возле нее. Стояла, смотрела, помахивая хвостом, не реагируя на команды и окрик. Как будто я не к ней обращался. Даже за ошейник взять себя не позволила – отскочила и пошла по тропинке, изредка оглядываясь, чтобы убедиться – я не отстал и иду за ней.

Такое поведение было настолько невероятным, что я оставил попытки ее подзвать и покорно пошел следом, уже чувствуя, что ничем хорошим это не кончится.

Мальта вышла на обычную шашлычную поляну и преспокойно улеглась – как будто и не было бунта. Стучала хвостом по земле и жмурилась, когда я ее гладил и спрашивал – ну что, сука ты старая, как прикажешь тебя понимать? К жмуру привела? И где он, твой жмур?

Полянка была чистой, если не брать в расчет пробки, стаканы, бутылки и прочие признаки цивилизованного отдыха.

У меня отлегло от сердца, а чтобы еще больше полегчало на душе, я встал, простите, отлить.

И в самом разгаре процесса, простите, боковым зрением заметил что-то странное – в сторонке, под раскидистым дубом мужик делал то же самое. Я хохотнул – извини, брат, не заметил тебя, да ничего страшного, наверное.

Мужик молчал. Я повернулся. Похолодел. Подошел. Он висел на тонком шнурке, носки ботинок лишь на сантиметр не доставали до земли, из кармашка идеально отутюженного костюма торчал уголок бумажки.

Идеально выбрит, аккуратно подстрижен, качественно и дорого одет. К комлю дуба сиротливо привалилась кожаная папка для документов.

Что ж ты, старая – сказал я собаке – для чего ты меня сюда привела? Не могла стороной пройти? Собака молчала, и на повешенного даже взгляда не бросила, возможно, не отличая его от дуба.

Я вышел из парка, где возле железнодорожных путей за глухим забором существовало загадочное заведение с беснующейся собакой, щелкающей ощеренной пастью под воротами, звонил, стучал, заставил сторожа вызвать кого надо. Он сначала не поверил, пошел поглядеть – издали увидел тело в костюме и побежал к себе.

Приехавшие врачи были почему-то неестественно вежливы со мной – хотя, по правде сказать, при Мальте все были крайне вежливы. А вот первый же ДПСник от одного взгляда на повешенного схватился за голову и едва не сел на землю. Второй просто побледнел, а на мой недоуменный взгляд пояснил – начальник нашего отделения. Достал листок из нагрудного кармана, на котором аккуратным почерком было написано обычное – нет сил жить, никого не ищите и не вините, прошу меня простить. Прощаем – сказал мент, складывая записку и суя ее обратно в кармашек. Потом приехали эксперты, меня оттеснили, взяв телефон – да мне и не хотелось больше там присутствовать. Мне было муторно, и я подозревал, что даже усталость не поможет заснуть.

Так оно и получилось. Но хуже всего то, что повешенный никак не хотел меня отпускать. И я видел не только его, я видел, как растревоженным ульем гудит все отделение, как ДПСники, в то время не сильно отличавшиеся от бандитов и порой в подлости и жестокости могущих их перещеголять, собирались кучками и говорили лишь об одном – сам ли ушел их начальник или ему помогли.

Кто-то старательно перепрятывал документы, кто-то на всякий случай спускал их в «водоворот клозета». Практически у каждого было рыло в пуху, и все старательно этот пух счищали.

Теоретически, я бы мог распутать этот клубок до последнего кончика, выяснить, кто, чего, кому, куда, что послужило причиной столько радикального поступка, сколько было причин, кто постарался, что заставило. Но если честно – не хотел. Прогулки в прошлое, которые начались в тайге, отличались от городских прогулок как небо и земля. Там все было, скажем

так, пусть, а события, происходившие лет сто-двести назад, как-то стирались при наблюдении и отличались от того, что произошло вчера или несколько часов назад. Но в любом случае, я мог выделить какую-то одну историю и спокойно ее рассмотреть.

В городе же на меня валился перепутанный клубок, десятки лиц и событий одновременно, картинки накладывались друг на друга, мешали и путали.

Я видел глаза полковника, которые шагал в сторону от камня, на которой балансировал, в то же время под ним возилась очередная парочка и рядом качались пьяные. Видел и себя, кучерявого ботаника со страшной огромной черной псиной, и все, что происходило потом – но опять же, с какими-то бредовыми накладками.

В общем, ничего хорошего в городе не выходило – возможно, и выйти не могло.

Светился в темноте экран громоздкого, как телевизор, зато цветного монитора, шумно гудел вентилятор процессора. За окном завывали тормозящие на поворотах составы в депо, скалой высилась заглядывающая мне в окна многоэтажка, бежала куда-то, повизгивая, во сне собака.

Я пытался как-то осознать произошедшее, понимая, что избавиться от своего чертового дара вряд ли получится, но в таком виде толку от него тоже немного.

Надо каким-то образом научиться отделять, как говорится, зерна от плевел. Тем более что прятаться, хоть на работе, хоть за усталостью с каждым разом становиться все сложнее и сложнее.

И – как я подозревал – относиться к людям по-прежнему я тоже уже не смогу.

Своего друга, с которым шатались по тайге, я знал с раннего детства и нежно, очень нежно к нему относился. Но, услышав, как он рассуждает о моей никчемности, мнение слегка изменил. Не сильно, на отношение это не повлияло, но все-таки, как прежде общаться уже не получалось.

С остальными было то же самое – мы видим парадный фасад, неприглядные задворки же остаются в тени.

В принципе, я был не против гулять в прошлое, особенно в редкие и дорогие лично мне моменты – но если бы мог сам выбирать маршрут. Подозреваю, что я бы подсел на это времяпровождение, как на алкоголь или наркотики, и, вполне возможно, предпочел бы уходить оттуда – но что-то (или кто-то) подсовывал мне такие события, про которые я бы искренне предпочел не знать. И не было никакой возможности отличить правду от бреда.

Что было делать? Я в свободное время мотался по Москве, оставив собаку дрыхнуть дома до вечерней прогулки. На ежедневные длительные пробежки у меня просто не хватало сил, а любое понижение нагрузки отзывалось буквально взрывом каких-то непонятных чужих лент, видео-картинок.

Я наматывал километры по Бульварному кольцу, проходил мимо древней площади, которую практически полностью занимало здание электромеханического техникума и где позже, после всех злоключений сниму для работы тихий домик.

И постепенно стали выявляться некоторые закономерности – чем древнее было место, тем ярче и одновременно путаней были мои видения. Иной раз они были действительно ужасающими – так, мне долго вспоминалась женщина, зарытая в землю по плечи. Она визжала и рычала, щелкала зубами, пытаясь отогнать дворняг укусами – но псы в итоге ее загрызли и объели. За всем этим наблюдал любопытствующий люд в армяках и кафтанах, в заломленных шапках, лаптях и мягких сапогах. Рядом высилось здание Аптекарского приказа с гулками прохладными коридорами, запахом сушеных трав, старого дерева и сладкого ладана.

Потом, не сильно напрягаясь, я увидел, как эта же женщина бьет ножом лохматого мужика в мятой рубашке, мечется, потом тащит на двор – темный московский двор с заборами и сараями – и валит тело вниз головой в отхожее место.

Приятно зрелище? Не сильно. Тем более что закопали ее на углу у нынешнего Исторического музея, а мужа она зарезала прямо рядом с Славяно-Греко-Латинской академией, еще помнящей худого Ломоносова с грязными ногами. Кхм, простите.

Меня толкала пестрая толпа туристов – иначе в какие бы глубины меня утянуло, даже подумать страшно.

Я бродил по городу, смотрел на обшарпанные фасады доживающих второй, а то и третий свой век домишек и знал, что стоит мне хоть чуть-чуть расслабиться, как увижу то, что видеть не хочу. Я бы, например, понаблюдал за Лениным, или Сталиным, или Буниным, который пьет с Шалапиным – но мне демонстрируют дворняг, объедающих лицо преступнице.

Я шел по Никольской к Лубянке, попадал в темную лавчонку под Китайгородской стеной, смотрел, как худой старик внимательно, с лупой в медной оправе изучает икону и вдруг, подняв голову, смотрит внимательно прямо мне в глаза и крестит. Я крещусь в ответ – и оба мы никак не это не реагируем, старик продолжает свое занятие, я направляюсь, покругив над лошадиными спинами извозчиков у фонтана, в дом Шипова.

И приходил в себя – именно на месте этого дома, в сквере перед Политехническим музеем.

В общем, прогулки не спасали, а превращались в путешествия по прошлому – и радовало меня лишь то, что я не мог пока управлять местом, но почти научился управлять направлением. В Шиповский дом я давно хотел попасть, и вот, пожалуйста.

Но прошлое было не таким безоблачным, каким оно видится потомкам – и мне пришлось в этом убеждаться слишком часто.

Настолько часто, что, говорю же, меня подобный расклад стал порядком напрягать.

Где балы? Лакеи? Красавицы, юнкера? Позднее катанье? Где белая кобыла с вороной челкой и карими глазами? Вальсы Шуберта? Хруст французской булки где, я вас спрашиваю?

Вместо шуршащей бальными юбками романтики я видел только обглоданные собаками костяки, мутные пятна красных фонарей в осеннем промозглом тумане, шумные кабаки и каскады взметнувшейся воды от сброшенного с набережной тела.

В общем, все шло не так, все не так.

Поскольку мои видения и ночные полеты – как я по ним соскучился, если бы вы знали – не относились к бесовщине, как я выяснил, посетив церковь, то вряд ли батюшка смог бы мне помочь.

Оставалось направиться к его антагонистам – хотя среди них большинство было законченными подлецами и аферистами, я надеялся, что, может быть, в виде крайнего исключения, возможно, что и попадется кто-нибудь похожий на меня.

Или хотя бы знающий человек, способный объяснить, что со мной происходит.

И – грешен – я купил у ближайшей газетчицы с сумкой на колесиках и раскладным столом, заваленном различными изданиями прекрасное издание «Из рук – в ноги».

Издание было замечательно тем, что в нем публиковались исключительно бесплатные объявления. Через тридцать лет его вытеснит с рынка интернет, а рекламные монстры, заявляющие себя как доски бесплатных объявлений, одурев от прибыли, начнут, подонки, рвать рубли за каждый чих – то есть ты должен заплатить за размещение на бесплатной доске, потом платить за продвижение. Твари капиталистические, одно слово. На заре же все было честно – у человека в руках газета, он выбирает то, что ему нужно. Никаких подъемов, никакой подлой торгашеской лжи.

В целом газета состояла из трех частей – несколько страниц, посвященных проституткам. Несколько – магии. Все остальное – купля-продажа и различные услуги.

Газета была безумно популярна, весь бизнес девяностых – если только не совсем уж отможенный – крутился вокруг нее. Мир твоему праху, честный двигатель честной деятельности.

Я бегло пробежался глазами по различным предложениям – от рекламы грибов, которые можно вырастить на кухне, до изготовления пеноблоков; полюбовался полетом фантазии живописцев, обслуживающих проституток – какие точеные профили светились на объявлениях, какие рекламные слоганы звенели в них!! «Наши девушки помогут забыть обо всем!» «Мечты на Пражской» «Куколки на выбор!». Ну и подкупающее своей прямоотой – интимные услуги. Орал, классика, анал, час, два часа, ночь.

Гусары за любовь деньги не берут – пробормотал я, шурша страницами. А вот и то, что мне надо. Весь цвет российской магии. Госпожа Фекла, Ночной мрак и Сумеречный зрак, Мистическая говорящая ворона сдернет завесу тайны с прошлого и откроет бестрепетной рукой покровы с будущего.

Я, имеющий некое отношение к литературе, просто-напросто наслаждался слогом, техникой и манерой подачи.

Маги изошрялись, рекламирую свои услуги, не хуже поэтов. Снятие венца безбрачия, заговор на получение прибыли – обычное дело. Приворот, отворот, от ворот разворот и новый поворот (вот) были шаблонными предложениями, за который и деньги-то, по моему дилетантскому взгляду, брать было стыдно.

Мадам Феклу я отверг сразу. Над предложениями Верховного Мага всего сущего, Магистра Пяти Орденов Восьмидесяти Лож (лож пирожное взад, кому говорю) – стоило подумать и присмотреться.

Галактические Светила Колдовства, а также Верховные Иерархи Сущего, Сибирские Шаманы, Повелители Тонких Материй и Толстых задов (заговор на похудение), Властители Денежных Поток, Филиппинские Хилеры и целый выводок учеников Джуны – предлагали себя не хуже проституток на соседней странице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.